

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ОСУЖДЕННЫХ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Освещаются правовые основы труда осуждённых в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы России, их соотношение с международными стандартами. Анализируются современные организационно-правовые формы привлечения осуждённых к труду, специфика их правового положения по сравнению с трудом свободных граждан. Раскрываются основные социально-экономические, организационно-правовые проблемы использования труда осуждённых в целях их ресоциализации.

Ключевые слова: *труд осуждённых в России, международные стандарты труда осуждённых.*

Труд занимал и занимает важнейшее место среди средств обращения с осуждёнными в России, а ранее – в Советском Союзе на всем протяжении современной истории её уголовно-исполнительной системы. Во всяком случае – в XX веке. Труд в сочетании с провозглашёнными целями «исправления и перевоспитания» в советское время дал наименование соответствующей отрасли права и законодательства («исправительно-трудовое»), кодексам об исполнении наказаний («исправительно-трудовые» кодексы 1924, 1933 и 1970 гг.), учреждениям, исполняющим лишение свободы («исправительно-трудовые учреждения»), а также целому комплексу социально-воспитательных мер, применяемых к заключённым («меры исправительно-трудового воздействия»). Именно потребности в широком привлечении сотен тысяч осуждённых к труду в их «трудовом использовании» для решения масштабных экономических и оборонных задач в конечном итоге сформировали поныне существующий преимущественно «лагерный» тип российских пенитенциарных учреждений в отличие от тюремных учреждений Западной Европы.

В советской плано-распределительной экономике практически все трудоспособные осуждённые были заняты трудом, а успешное выполнение исправительно-трудовыми учреждениями народно-хозяйственных планов считалось одним из важнейших критериев эффективности как пенитенциарной системы в целом, так и отдельных колоний и тюрем. Достаточно сказать, что по объёму производимой продукции в 70-е годы прошлого века Министерство внутренних дел СССР (в подчинении которого находились исправительно-трудовые учреждения) стояло на пятом месте среди промышленных (!) министерств страны.

Переход к рыночной экономике, изменения в политической сфере, новый уровень интеграции России в международном, в том числе европейском сообществе привели к кардинальному изменению социально-экономических условий деятельности уголовно-исполнительной системы, побудили к радикальной переоценке существовавших ранее воззрений о её целях, функциях и формах деятельности в демократическом обществе. Безусловно, это косну-

лось и труда в местах лишения свободы, а также его правового регулирования ещё и потому, что лишение свободы в современной России остаётся одним из наиболее часто применяемых уголовных наказаний¹.

В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, вступившем в силу с 1 июля 1997 года, труд указан в числе основных средств исправления осуждённых (ст. 9). В ст. 103 УИК (ч. 3) говорится что «производственная деятельность осуждённых не должна препятствовать выполнению основной задачи исправительных учреждений – исправлению осуждённых». Данные нормы в целом соответствуют аналогичным положениям международных стандартов обращения с заключёнными. В Минимальных стандартных правилах обращения с заключёнными (1955 г.), в частности, говорится, что «на заключённых следует возлагать полезную работу, достаточную для того, чтобы заполнить нормальный рабочий день (п. 71.2)». Сходный тезис содержится и в Европейских пенитенциарных правилах 2006 года (п. 26.1): «Труд в местах заключения следует рассматривать как позитивный элемент режима...».

Труд осуждённых в местах лишения свободы в России (как и в СССР) традиционно регулируется двумя отраслями права – трудовым и уголовно-исполнительным (ранее – «исправительно-трудовым»). Причём уголовно-исполнительное право регулирует труд осуждённых лишь в тех аспектах, в которых его правовые цели и условия отличаются от труда свободных граждан. Поскольку данные цели и условия тесно связаны с режимом отбывания наказания, соответствующие специальные нормы расположены не в отдельных главах Раздела XII Трудового кодекса Российской Федерации («Особенности регулиро-

¹ В 2012–2014 гг. лишение свободы было назначено 27–29 % всех осуждённых. По числу заключённых на 100 тыс. населения (560) Россия занимает первое место в Европе. Вместе с тем «тюремное население» имеет тенденцию к снижению. Если в 2010 г. в пенитенциарных учреждениях содержалось 838 тыс. человек, то в январе 2015 г. – 671 тыс. человек. В том числе в 728 исправительных колониях – 551 тыс. человек, в 129 колониях открытого типа – 40 тыс. человек, в 6 колониях особого режима для осуждённых к пожизненному лишению свободы – 1,9 тыс. человек, в 41 воспитательной колонии для несовершеннолетних – 1,7 тыс. человек, в 8 тюрьмах – 1616 человек.

вания труда отдельных категорий работников»), а в Главе 14 УИК РФ («Труд, профессиональное образование и профессиональная подготовка осужденных»). Причем этих статей в УИК немного (ст. ст. 103–107), а в отдельных его нормах содержится прямая отсылка к трудовому праву. Например, в ч. 2 ст. 103 указано, что «несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде». Согласно ч. 1 ст. 104 УИК, общим законодательством России о труде устанавливаются продолжительность рабочего времени осужденных к лишению свободы, правила охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии. Статья 105 УИК также определяет, что «осужденные к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде». Но и в иных ситуациях, даже и без прямых отсылок практика исполнения лишения свободы исходит из того, что в отсутствие специальной нормы Уголовно-исполнительного кодекса при регулировании отношений в сфере труда осужденных должны применяться нормы трудового права.

Помимо Уголовно-исполнительного кодекса РФ специфические стороны трудовых отношений осужденных в местах лишения свободы регулируются Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с последующими изменениями и дополнениями), а также целым рядом подзаконных нормативных правовых актов. Среди них наиболее важную роль играют принятые 3 ноября 2005 года (приказ Министерства юстиции Российской Федерации № 205) Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правила внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы, утверждённые приказом Министерства юстиции России № 311 от 6 октября 2006 года. Они, в частности, определяют перечень работ и должностей, на которых запрещается труд осужденных. К примеру, – на работах по обслуживанию и ремонту технических средств охраны и надзора, на работах, связанных с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых и отравляющих веществ и т.п. Очевидно, что такие запреты продиктованы в первую очередь предупредительными соображениями.

Уголовно-исполнительный кодекс и упомянутый Закон РФ от 21 июля 1993 года определяют организационно-правовые формы тех производственных структур, в которых возможно привлечение осужденных к оплачиваемому труду. Таких форм не несколько:

1. Так называемые «центры трудовой адаптации (трудовые) мастерские». Эти структуры не обладают юридической, хозяйственной, организационной и финансовой самостоятельностью, будучи подразделениями исправительных учреждений. Ранее они именовались «собственным производством исправительных учреждений». В 2015 году в уголовно-

исполнительной системе России действовали 567 центров трудовой адаптации осужденных, 83 учебно-производственных мастерских.

2. Федеральные государственные унитарные предприятия уголовно-исполнительной системы, которые, в отличие от ранее упомянутых структур, обладают статусом юридического лица и связанной с ним финансово-хозяйственной самостоятельностью. Таких предприятий сейчас 16.

3. Организации иных организационно-правовых форм (государственные, частные фирмы и т.п.), привлекающие осужденных к труду на территориях исправительных учреждений и (или) вне их при условии их надлежащей изоляции и охраны.

4. Хозяйственное обслуживание самих исправительных учреждений, где работодателем выступает непосредственно администрация исправительных учреждений.

Общий объем ежегодно производимой продукции в учреждениях уголовно-исполнительной системы России превышает 32 млрд рублей. Особенностью производственной сферы уголовно-исполнительной системы России является то, что важное место в ней исторически занимает заготовка и переработка древесины. В состав лесопромышленного комплекса УИС входит 103 учреждения, расположенных в девяти субъектах Российской Федерации, обладающих значительной лесосырьевой базой (в основном, на севере страны, на Урале и в Сибири).

Заметную роль в производстве УИС играет агропромышленный сектор: федеральные государственные унитарные предприятия и свыше 800 подсобных хозяйств, занимающиеся производством, переработкой и поставкой продовольствия для нужд уголовно-исполнительной системы.

Как и прежде законодательство об исполнении уголовных наказаний, Уголовно-исполнительный кодекс РФ устанавливает общую обязанность осужденных трудиться. В ст. 103 указано, что «каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений». В свою очередь администрация обязана привлекать осужденных к труду «с учётом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья, по возможности, специальности, а также исходя из наличия рабочих мест».

В то же время осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет, а также инвалиды первой и второй группы привлекаются к труду по их желанию. Иными словами, в их отношении действует принцип добровольности труда в местах лишения свободы.

В соответствии с законом (ч. 6 ст. 103, ч. 1 ст. 116 УИК РФ) отказ осужденных от работы или её прекращение без уважительных причин являются злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания. Осужденные в местах лишения свободы также не имеют права на забастовку.

Указанные выше положения УИК РФ об общей обязательности труда осужденных в местах лише-

ния свободы в их основе отвечают ст. 71.2 принятых ООН Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными, а также ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 4 Конвенции Совета Европы «О защите прав человека и основных свобод». Последняя, как известно, выводит из-под общего запрета принудительного или обязательного труда «любую работу, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении, ...после его осуждения компетентным судом или условно освобожденное от такого заключения».

Принятая в 1930 году и ратифицированная СССР еще в 1956 году Конвенция № 29 Международной организации труда «О принудительном или обязательном труде», запрещающая «принудительный или обязательный труд», не включает в него, в частности, «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет переуступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ». Трудовой кодекс Российской Федерации воспроизвел суть этого положения в ч. 3 ст. 4. Запрещая принудительный труд, он не отнёс к такому, в частности, «работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров».

В свете изложенного представляются несостоятельными суждения о недопустимости обязательного труда осужденных в местах лишения свободы, высказываемые некоторыми представителями науки трудового и уголовно-исполнительного права, поскольку, по их мнению, это противоречит ч. 2 ст. 37 Конституции России, которая запрещает принудительный труд [1, с. 10; 2, с. 6–7]. В дополнение к уже сказанному можно сослаться на два положения российской Конституции.

Первое закреплено в ч. 3 ст. 55, где указано, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Уголовно-исполнительный кодекс, устанавливая общую обязанность осужденных в местах лишения свободы трудиться, а также Трудовой кодекс, исключая такой труд из принудительного, – это федеральные российские законы, и в данном отношении они не противоречат Конституции.

Второе важное конституционное положение установлено в ч. 4 ст. 15: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если между-

народным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора». Как известно, и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1955 года, и Конвенция МОТ № 29 1930 года – ратифицированные Россией (или ранее СССР) международные договоры. Все они не относятся труд осужденных в местах заключения к запрещаемому ими «принудительному или обязательному» труду.

В то же время в Уголовно-исполнительном кодексе остаются противоречивыми юридические основания привлечения к труду несовершеннолетних. Согласно ч. 2 ст. 103 УИК, «несовершеннолетние осужденные привлекаются к труду в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде». Данное положение находится в той же части ст. 103, которая делает исключения из обязательности труда для инвалидов и пожилых осужденных. Как известно, трудовое законодательство, к которому отсылает ч. 2 ст. 103 УИК, зиждется на принципе свободы (добровольности) труда. Следовательно, правомерен вывод, что осужденные несовершеннолетние также должны привлекаться к труду (помимо труда по благоустройству) только по желанию. Такое суждение косвенно подкрепляется и сопоставлением Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы (1985 г. с Минимальными стандартными правилами обращения с заключёнными). В упомянутом документе такой обязанности осужденных несовершеннолетних нет. Указано лишь, что «в пределах, позволяющих сделать соответствующий выбор профессии, и с учетом требований администрации исправительного учреждения несовершеннолетним должна предоставляться возможность выбирать виды работ, которые они желают выполнять». Практика, однако, идёт по иному пути, исходя из того, что прямого исключения для несовершеннолетних (в отличие, например, от осужденных – мужчин старше 60 лет) Уголовно-исполнительный кодекс не содержит.

Если же законодатель всё же находится на позиции обязательности труда осужденных-несовершеннолетних, то для устранения двусмысленности в толковании ч. 2 ст. 103 УИК соответствующее положение о труде несовершеннолетних следует из ч. 2 ст. 103 перенести в ст. 104 «Условия труда осужденных к лишению свободы».

Между тем действительная острота проблем привлечения осужденных к труду в настоящее время кроется не в обязательности или добровольности труда осужденных. Подавляющее большинство осужденных ныне желает заниматься оплачиваемым производительным трудом, а в деятельности исправительных учреждений практически отсутствуют дисциплинарные взыскания, применяемые к осужденным за уклонение или отказ от оплачиваемой работы. Но дело в том, что развивающаяся в России

рыночная экономика уже не создаёт столь широких возможностей и потребностей привлечения осуждённых к труду, как это было свойственно плановой экономике советского периода. В итоге масштабы привлечения осуждённых к труду за последние десятилетия резко сократились. На оплачиваемых работах в 2014 году было трудоустроено всего 217 тыс. осуждённых, в том числе на производстве – 160 тыс. человек, на работах по хозяйственному обслуживанию учреждений – 55 тыс. человек. Только 35 % от общего среднего числа осуждённых в исправительных учреждениях в 2014 году были заняты оплачиваемым трудом. Если же этот показатель рассчитывать, исходя из числа трудоспособных осуждённых (252 тыс. чел.), он возрастает до 86 %.

Ситуация осложняется тем обстоятельством, что в условиях сокращения судами применения уголовного наказания в виде лишения свободы среди поступающих в учреждения УИС с каждым годом растёт доля и количество осуждённых с крайне низким уровнем образования, неграмотных, не имеющих семьи, постоянного места жительства, нетрудоспособных и страдающих различными хроническими заболеваниями. Ежегодно в исправительные учреждения России поступает свыше 150 тыс. таких осуждённых. На протяжении последних лет постоянно снижались показатели не только количества трудоспособных осуждённых, но и занятых на оплачиваемых работах на производстве (со 183 до 160 тыс. человек).

Более 30 % осуждённых в возрасте до 25 лет, как правило, до осуждения нигде не работали и не учились. У них практически отсутствует привычка к систематическому труду. Исправительные учреждения в соответствии с законом (ст. 108 УИК РФ) должны проводить их обучение рабочим профессиям в системе начального профессионального обучения, привлекать к труду, формировать позитивную мотивацию к труду. Всё это требует времени и значительных средств. По официальным данным ФСИН России, для создания одного нового рабочего места в исправительной колонии, отвечающего современным требованиям, в среднем требуется 1,1 млн руб. Кроме того, требуются инвестиции в сумме 4,2 млрд руб. на техническое перевооружение производственных объектов. Таких средств в подразделениях (учреждениях) уголовно-исполнительной системы нет. В условиях резкого сокращения коммерческих заказов государственные преференции, предоставленные уголовно-исполнительной системе в 2005–2008 годы, оказались неспособны в полной мере обеспечить привлечение осуждённых к труду и эффективное использование их трудового потенциала.

В условиях отбывания наказания преимущественно в учреждениях «лагерного» типа – исправительно-трудовых колониях (в отличие от тюремных учреждений пенитенциарных систем зарубежных европейских стран) отсутствие массового привлечения к труду неизбежно ведёт к ухудшению правопорядка в учреждениях. Отсюда – стремление руковод-

ства Федеральной службы исполнения наказаний заменить исправительные учреждения лагерного типа (колонии) к 2020 году тюрьмами. Однако такая реорганизация требует весьма значительных средств (до 1,8 трлн руб.), поэтому эти проекты едва ли реалистичны.

Условия труда осуждённых к лишению свободы по УИК РФ существенно приближены к предусмотренным трудовым законодательством. Это относится к продолжительности рабочего дня (включая выходные и праздничные дни), к правилам охраны труда, техники безопасности, производственной санитарии и многим другим аспектам трудовой деятельности.

УИК РФ определяет, что оплачиваемая работа, которую осуждённый выполнял во время отбывания наказания в ИУ, включается в общий трудовой стаж. Учет отработанного времени возлагается на администрацию и производится по итогам календарного года. При систематическом уклонении осуждённого от выполнения работ соответствующий период времени исключается по решению администрации исправительного учреждения из его общего трудового стажа. Это решение может быть обжаловано осуждённым в суд.

Осуждённые имеют право на трудовые отпуска по истечении шести месяцев работы в исправительном учреждении. Однако время содержания осуждённого в качестве дисциплинарного взыскания в помещении камерного типа (до 6 месяцев), едином помещении камерного типа (до 1 года), в одиночной камере в колониях особого режима (до 6 месяцев), независимо от того, работал он в это время или нет, не засчитывается в срок, необходимый для предоставления ежегодного оплачиваемого отпуска. Продолжительность оплачиваемых отпусков: 18 рабочих дней – для отбывающих лишение свободы в воспитательных колониях; 12 рабочих дней – для отбывающих лишение свободы в иных исправительных учреждениях.

Осуждённым, перевыполняющим нормы выработки или образцово выполняющим установленные задания на тяжелых работах, а также на работах с вредными или опасными условиями труда, на предприятиях, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, либо работающим по своему желанию осуждённым, являющимся инвалидами первой или второй группы, осуждённым мужчинам старше 60 лет и осуждённым женщинам старше 55 лет продолжительность ежегодно оплачиваемого отпуска может быть увеличена до 18 рабочих дней, а несовершеннолетним осуждённым – до 24 рабочих дней.

В установленных законом (ст. 97 УИК РФ) случаях отпуск осуждённый может провести за пределами исправительного учреждения. Такое право ему может быть предоставлено начальником исправительного учреждения с учётом совершенного осуждённым преступления, отбытого срока, личности осуждённого и его поведения.

Оплата труда осужденных в настоящее время практически полностью регулируется трудовым законодательством. Осуждённые к лишению свободы имеют право на оплату труда в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде. Размер оплаты труда осуждённых, отработавших полностью определённую на месяц норму рабочего времени и выполнивших установленную для них норму, не может быть ниже установленного минимального размера оплаты труда. Оплата труда осуждённого при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе производится пропорционально отработанному осуждённым времени или в зависимости от выработки. В то же время в 2012 году выполнение осуждёнными норм выработки составило в среднем немногим более 60 %, а средний заработок на одного осуждённого в день в учреждениях уголовно-исполнительной системы в 2014 году составил всего около 196 руб. Кроме того, необходимо иметь в виду разницу между начисленной осужденному заработной платой (при сдельной или повременной оплате труда) и денежными средствами, зачисленными на его лицевой счет. Вторая сумма всегда меньше, поскольку зачислению на лицевой счет всегда предшествуют удержания. Виды и очередность удержаний определяются ст. 107 УИК РФ и Гражданским процессуальным кодексом. Однако существует так называемый гарантированный минимум получения (зачисления) заработной платы, пределы которого (25 или 50 %) определены в ч. 3 ст. 107 УИК РФ.

Некоторые учёные и практики, ссылаясь на международные акты, полагают, что труд осуждённых в местах лишения свободы вовсе не должен быть направлен на получение прибыли [3, с. 10]. Между тем это не так. Статья 72.2 Минимальных стандартных правил устанавливает, что «интересы заключённых и их профессиональную подготовку не следует подчинять соображениям получения прибыли от тюремного производства». Как видно, из рассматриваемой нормы не вытекает, что цель прибыли вовсе не должна ставиться перед «тюремным производством», она лишь не может превалировать в привлечении осужденных к труду. Подобный вывод подтверждается и ч. 1 указанной статьи: «Организация и методы работы в заведениях должны максимально приближаться к тем, которые приняты за их стенами, чтобы заключённые приучались таким образом к условиям труда на свободе». Аналогичное положение содержится в п. 26.8 Европейских тюремных правил 2006 года: «Интересы заключённых не должны быть подчинены цели получения прибыли от производственной деятельности тюрем, несмотря на то, что это может быть полезным с точки зрения повышения уровня, а также качества и целесообразности профессиональной подготовки».

Необходимым экономическим условием современного промышленного и сельскохозяйственного производства выступает ориентация на все большую его рентабельность, а следовательно, – на прибыль.

Поэтому прибыль не может вовсе исключаться из целей привлечения осужденных к труду с учетом сделанных выше оговорок. Однако данное обстоятельство не должно вести к возврату в недалекое советское прошлое, когда производство УИС в частности и уголовно-исполнительная система в целом рассматривались государством как источник прибыли, важный резерв бюджетных накоплений.

Столь же анахроничной и противоречащей гуманистической направленности современной уголовно-исполнительной системы выглядит терминология, применяемая в нормативных актах, а также, порой, отдельными учёными и практиками при их обращении к вопросам трудовой занятости осуждённых. Речь идёт о «трудоиспользовании осуждённых». К примеру, упомянутое выше Приложение к Правилам внутреннего распорядка исправительных учреждений озаглавлено: «Перечень работ и должностей, на которых запрещается использование осужденных». В одной из публикаций указывается, что «трудоиспользование инвалидов и лиц с ограниченной трудоспособностью осуществляется в строгом соответствии с законодательством о труде» [4, с. 16].

Едва ли нужно доказывать, что никакого «трудоиспользования» инвалидов или кого бы то ни было российское трудовое законодательство не допускает. По гражданскому праву (ст. 209 ГК РФ) использование (пользование) – неперенный атрибут (элемент) права собственности. Кроме того, в соответствии с общепризнанными международными нормами и ратифицированными международными договорами (пактами, конвенциями) «состояние или положение человека, над которым осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них», – это рабство (ст. 1 Конвенции относительно рабства 1926 г.) [5, с. 202].

Понятно, что в критикуемых выше высказываниях не следует усматривать призывы к восстановлению или сохранению рабства осужденных в уголовно-исполнительной системе. Однако в них явно просматривается сложившийся еще со времен ГУЛАГа инструментально-функциональный подход к осужденным, когда последние рассматривались преимущественно как средство решения масштабных народно-хозяйственных задач. Такая позиция, помимо прочего, деформирует профессиональное сознание сотрудников уголовно-исполнительной системы, препятствует достижению целей исправления, «социальной реабилитации», «трудовой адаптации», которые, как видно из ряда выступлений, официально признаны главными направлениями реформирования производственного сектора УИС.

Нельзя, однако, не отметить, что и сама терминология, используемая как свидетельство нацеленности на радикальные преобразования, на наш взгляд, отнюдь не всегда адекватна существу отражаемых ею процессов. Прежде всего это касается понятия «трудовая адаптация». В переводе с латинского языка «адаптация» – «приспособление». Дан-

ный термин широко и обоснованно используется для научного анализа проблем трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы, а также в законодательстве.

Принципиально важно, что адаптация – приспособление индивида к условиям, в которых он находится в данный момент, а не будет находиться впоследствии. Иначе говоря, адаптация к свободе возможна только на свободе. В ином случае уместно рассуждать лишь о создании предпосылок будущей успешной адаптации. И в этой связи неудачно содержащееся в ст. 103 УИК наименование производственных структур уголовно-исполнительной системы как «центров трудовой адаптации» осуждённых. Если освободиться от существующих, порой, идеологических стереотипов, вполне уместно именовать упомянутые производственные структуры «исправительно-трудовыми центрами» исправительных колоний и «воспитательно-трудовыми центрами» воспитательных колоний. Ведь исправление (в духе ст. 9 УИК) остается целью исполнения наказания и труд – одним из его основных средств.

Столь же неоправданно широкое использование в последнее время понятия «социальная реабилитация» применительно к обращению с осуждёнными в местах лишения свободы. Смысловое содержание «реабилитации», однозначно сложившееся в медицинской, юридической и социальной науке и практике, означает восстановление либо компенсацию умаления статуса лица в медицинском, правовом или социальном аспектах. Причем статуса, ущемленного несправедливо, незаслуженно либо в силу объективных обстоятельств (например, по болезни). Именно в этом значении медики рассуждают о реабилитации инвалидов, психически больных, а юристы – о реабилитации жертв политических репрессий либо осуждённых. Согласно ст. 133 УПК РФ, «право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных жилищных и иных правах». Реабилитация в отношении осуждённых осуществляется лишь в случаях полной или частичной отмены обвинительного приговора и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным п.п. 1 и 2 части 1 ст. 27 УПК (непричастность к совершению преступления и иные указанные в ст. 24 УПК реабилитирующие основания).

Очевидно, что рассмотрение обращения с ворами, убийцами и грабителями в местах лишения свободы с позиций их «реабилитации» (пусть даже «социальной») по существу означает неоправданную либерализацию в отношении к осуждённым, отбывающим заслуженное наказание на основании законного приговора суда (ст. 7 УИК РФ). Подобное искажение впредь чревато противоположной реакцией общества и, как и в недавнем нашем прошлом, – ужесточением карательной политики.

На наш взгляд, подобные «терминологические революции» оправданы, лишь когда существующий

понятийный аппарат не в состоянии адекватно отразить новые реалии. Но никто не доказал, что понятие исправления (в его реалистической и отраженной в ряде авторитетных международных документов трактовке) и ресоциализации (но не «реабилитации») ныне утратило свое познавательное и конструктивное значение.

Практика последних лет свидетельствует, что законодатель поторопился, исключив из Уголовно-исполнительного кодекса такую меру дисциплинарного взыскания, как внеочередное дежурство по уборке помещений и территории мест лишения свободы (ст. 53 ИТК РСФСР 1970 г.).

Формально это объяснялось ст. 28.1 Минимальных стандартных правил обращения с заключёнными, где говорится, что «заключённых не следует назначать в дисциплинарном порядке на работу по обслуживанию самого заведения». Вместе с тем, с одной стороны, далее (в ст. 28.2) подчеркивается, что данное положение не должно препятствовать должному функционированию системы самоуправления, при которой ответственность за определённые виды деятельности возлагается на самих заключённых. С другой – в самих Минимальных правилах (ст. 2) указано, что, «принимая во внимание разнообразие юридических, социальных, экономических и географических условий, ясно, что не все эти правила можно применять повсеместно и одновременно».

Преимущественно «колонийский» облик наших исправительных учреждений (в отличие от тюрем Запада) и особенности организации их функционирования являются одним из тех существенных обстоятельств, которых, на наш взгляд, требуют более взвешенного подхода к реализации рекомендации упомянутой выше ст. 28.1 Минимальных стандартных правил. Другое немаловажное обстоятельство – явный «пробел» в системе предусмотренных ст. 115 УИК РФ дисциплинарных взысканий, когда при отсутствии у осуждённых средств дисциплинарный штраф до 200 руб. (п. «б» ст. 115) неприменим, и администрация вынуждена выбирать между выговором и водворением в штрафной изолятор. Это противоречит провозглашенным в ст. 8 УИК принципам дифференциации и индивидуализации исполнения наказания, принципу экономии (рациональности) мер принуждения и в отдельных случаях способно породить случаи незаконного (латентного) принуждения, насилия.

Вернемся, однако, к положениям ст. 28.2 Минимальных правил о привлечении осуждённых к определенным видам деятельности учреждения. Распространяется ли это правило на бесплатный труд осуждённых по обслуживанию самого учреждения? Упомянутая выше ст. 26.1 не рекомендует этого лишь в «дисциплинарном порядке». Следовательно, привлечение к такому труду с этой точки зрения вполне допустимо.

Правовые основы привлечения осуждённых к работам без оплаты труда определяются ст. 106 УИК РФ. В ней указано, что это возможно только в

отношении работ «по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий». Лица, работающие в исправительном учреждении по желанию, а также беременные женщины привлекаются к работе без оплаты труда также добровольно.

К указанным работам осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от работы время. Их продолжительность может быть увеличена в двух случаях: по письменному заявлению осужденного либо при необходимости проведения срочных работ постановлением начальника исправительного учреждения (ч. 3 ст. 106 УИК).

Однако нынешняя редакция этой статьи закона оставляет ряд проблем.

Первая – это характер срочных работ по постановлению начальника колонии. Едва ли закон имеет в виду «работу по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий», как это указано в ч. 1 ст. 106 УИК. Но данная норма носит ярко выраженный ограничительный характер, в силу чего между частями 1 и 2 данной статьи возникло противоречие. Для его устранения необходимо изложить ч. 1 следующим образом: «Осужденные к лишению свободы могут привлекаться без оплаты труда к работам по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий, а в исключительных случаях, по постановлению начальника исправительного учреждения – к спасательным, аварийно-восстановительным работам и неотложным работам по обеспечению жизнедеятельности учреждений».

Непонятно также, почему законодатель ограничил привлечение ряда категорий осужденных к работам без оплаты труда, имея в виду несложность и относительную легкость работ по благоустройству и самообслуживанию. В этой связи целесообразно ч. 2

ст. 106 изложить так: «Осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, осужденные мужчины старше 60 лет, осужденные женщины старше 55 лет, осужденные беременные женщины могут привлекаться к работам без оплаты труда только по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий с учетом их трудоспособности, специальных правил охраны труда, техники безопасности и производственной санитарии, установленных для указанных категорий работников трудовым законодательством Российской Федерации».

Наконец, явно несправедливо и недифференцированно равное ограничение законодателем продолжительности бесплатного труда для всех осужденных двумя часами в неделю. Во всяком случае следует по-разному подходить к осужденным, работающим на производстве и не обеспеченным работой. У последних – масса свободного времени. Для них целесообразно увеличить продолжительность такой работы, как минимум, до двенадцати часов в неделю. Аналогичный лимит установить и для неотложных работ по постановлению начальника учреждения (этого сейчас в законе также нет). Кроме того, установленный в ч. 3 ст. 106 принцип очередности при привлечении к таким работам не является абсолютным. В итоге ч. 3 ст. 106 УИК можно предложить в следующей редакции: «К указанным работам осужденные привлекаются в свободное от работы (учебы) время. Продолжительность работ осужденных, занятых на производстве, не должна превышать двух часов в неделю. С письменного согласия таких осужденных, а также для осужденных, не обеспеченных работой, либо при выполнении спасательных, аварийно-восстановительных и неотложных работ по обеспечению жизнедеятельности исправительных учреждений – двенадцати часов в неделю».

ЛИТЕРАТУРА

1. Губенко А.В. Особенности правового регулирования труда осужденных к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 21 с.
2. Дерюга Н.Н. Организационно-правовые проблемы занятости осужденных, содержащихся в местах лишения свободы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Владивосток, 2003. 334 с.
3. Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. Материалы круглого стола. 2005. № 3. С. 8–11.
4. Кононец А. Трудовая адаптация осужденных в лечебно-производственных (трудовых) мастерских // Преступление и наказание. 2005. № 9. С. 14–16.
5. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. М.: Юрид. лит., 1990. 681 с.

ON LEGAL REGULATION OF THE LABOUR OF CONVICTS IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Russian Journal of Criminal Law, 2015, no. 2(6), pp. 81–88. DOI 10.17223/23088451/6/16

Utkin Vladimir A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: utkin@ui.tsu.ru

Keywords: labour of convicts in Russia; international standards of convicts' labour.

The article dwells on the legal basis of the labour of convicts in correctional institutions in the Russian penal system Russia and their correspondence with the international standards. The author analyses the modern organizational and legal forms of involvement of convicts to labour, and specificity of its legal status in comparison with the labor of free citizens. The article reveals the basic socio-economic, organizational and legal problems of using convicts' labour for their re-socialization.

Labour has always held one of the most important places in the system of treatment of convicts in Russia. During the Soviet era of 1970s, due to the work of convicts, the Ministry of Internal Affairs of the USSR was the fifth in terms of production among industrial ministries of the USSR. Nowadays, in spite of the dramatic decline in the production capacity, the production in the penal system makes more than 30 billion rubles annually.

The legal regulation of the convict labour in prisons is performed by two branches of law – labor and penitentiary. The latter reflects only the specific features of the convicts' legal status in their work. The convict labor is regulated in accordance with the international standards of treatment of prisoners. Those are wrong who believe that compulsory convict labour contradicts the Constitution and international instruments. However, there is no agreement in the law on how to treat the involvement of minors in work.

The reduced number of imprisonment sentences deteriorates the quality of convicts, their educational level as well as the level of professional training. Modernization of production requires substantial investment. As there are fewer convicts involved in working activities, the legal situation becomes worse. Therefore, the problems of labour and mode of punishment are closely interrelated.

Remuneration for convicts is regulated by legal acts, but due to the non-fulfillment of production norms and impossibility to provide enough work on a full-time basis, the salary received by convicts is low.

It is necessary to refuse from the term “use of labour” in the legislation and practice as contradictory to the humanistic nature of the modern penal system. It is also difficult to speak about the direct “labour adaptation” in prisons, because imprisonment in itself is really maladaptive for the convict. On the other hand, it is necessary to expand the grounds and the period of improvement of the convicts in unpaid public services and amenities, in case they are not engaged in the paid employment.

REFERENCES

1. Gubenko, A.V. (2005) *Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [Features of convict labour legal regulation]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
2. Deryuga, N.N. (2003) *Organizatsionno-pravovye problemy zanyatosti osuzhdennykh, soderzhashchikhsya v mestakh lisheniya svobody* [Organizational and legal problems of employment of convicts held in detention]. Abstract of Law Doc. Diss. Vladivostok.
3. Utkin, V.A. (2005) Rol' “Tyuremnykh nachal” v sovremennoy penitentsiarnoy sisteme Rossii [The role of “Prisons” in the modern penal system of Russia]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie* [Criminal-Executory System: law, economy, management]. 3. pp. 8-11.
4. Kononets, A. (2005) Trudovaya adaptatsiya osuzhdennykh v lechebno-proizvodstvennykh (trudovykh) masterskikh [Labour adaptation of convicts in medical and industrial (labour) workshops]. *Prestuplenie i nakazanie*. 9. pp. 14-16.
5. Melkov, G.M. (ed.) *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka* [International protection of human rights and freedoms]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.